

Оглавление

Предисловие	5
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1 В которой читатель знакомится со зрителями театрального спектакля и с покойником	10
ГЛАВА 2 Где один Квин работает, а другой Квин наблюдает	18
ГЛАВА 3 В которой некий Пастор попадает в переплет	32
ГЛАВА 4 В которой раздается много поручений и особо выделяются двое зрителей	48
ГЛАВА 5 В которой инспектор Квин допрашивает возможных подозреваемых	55
ГЛАВА 6 В которой окружной прокурор рассказывает биографию Филда	77
ГЛАВА 7 В которой отец и сын подводят некоторые итоги	87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 8 В которой Ричард и Эллери Квин встречаются с подругой мистера Филда	98
ГЛАВА 9 В которой появляется загадочный мистер Майклс	114
ГЛАВА 10 В которой шляпы мистера Филда приобретают все большее значение	122

ГЛАВА 11	
В которой прошлое бросает тень на настоящее	134
ГЛАВА 12	
В которой отец и сын вторгаются в высшие сферы	146
ГЛАВА 13	
Семейный совет	161

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 14	
В которой шляпа разрастается до необыкновенных пропорций	179
ГЛАВА 15	
В которой называют имя предполагаемого убийцы	192
ГЛАВА 16	
В которой отец и сын отправляются в театр	203
ГЛАВА 17	
В которой шляпы растут как грибы	215
ГЛАВА 18	
Тупик	233

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 19	
В которой инспектор Квин собирает поскребыши свидетельских показаний	243
ГЛАВА 20	
В которой мистер Майклс пишет сочинение	252
ГЛАВА 21	
В которой инспектор Квин задерживает преступника	256
ГЛАВА 22	
...и подводит итоги	260

Предисловие

Издатель и автор попросили меня написать краткое предисловие к истории убийства Монте Филда. Позвольте сразу уведомить, что я не писатель и не криминолог. Поэтому решительно не способен высказывать авторитетные суждения ни о способах совершения преступлений, ни о детективных романах. Тем не менее одно обстоятельство дает мне право воспользоваться привилегией представить читателям замечательную историю, основанную, пожалуй, на самом загадочном преступлении последнего десятилетия. Если бы не я, любители детективных романов никогда не увидели бы «Тайну исчезнувшей шляпы». Благодаря мне она вышла в свет, и на этом кончается мой скромный вклад в ее судьбу.

Отряся от ног своих прошлой зимой нью-йоркский прах, я отправился путешествовать по Европе. В прихотливых странствиях по разным уголкам континента (в странствиях, к которым каждого Конрада* толкает тоска по своей юности) я в один прекрасный августовский день очутился в крошечной итальянской горной деревушке. Где она находится, как называется, как я туда попал, не имеет значения. Смутно припоминаю игрушечное поселение, примостившееся на краю горной долины, где обосновались два моих старинных друга, которых я два года не видел. Они бежали от толп, заполонивших нью-йоркские

* Имеется в виду английский писатель польского происхождения Джозеф Конрад (1857–1924), пятнадцать лет прослуживший на флоте и бывавший в Индии, Австралии и Африке. (Здесь и далее примеч. пер.)

тротуары, желая погрузиться в дивный сельский итальянский покой, и я, возможно, решил нарушить их уединение из любопытства, сильно ли они об этом жалеют.

Встреча со стариком Ричардом Квином, более снисходительным и седым, чем прежде, и его сыном Эллери оказалась вполне сердечной. В прежние времена мы были не просто друзьями, кроме того, должно быть, пьянящий воздух Италии слишком вскружил нам головы, излечив от пыльных манхэттенских воспоминаний. Миссис Эллери Квин — Эллери стал теперь мужем блистательного создания и ошеломленным отцом младенца, в высшей степени похожего на деда, — полностью соответствовала благозвучной фамилии*, которую носила. Даже Джуна — уже не тот шалопай, каким я его знал, — приветствовал меня со всеми признаками ностальгии.

Несмотря на безнадежные попытки отца и сына заставить меня позабыть о Нью-Йорке и переключить мое внимание на оценку величественных красот местных пейзажей, я через несколько дней пребывания на маленькой вилле начал до смерти изводить бедного Эллери. Из всех других достоинств я отличаюсь упорством, поэтому отчаявшийся Эллери наконец пошел на компромисс. Он привел меня в библиотеку, запер дверь на ключ, кинулся к старому стальному архивному шкафу и после долгих поисков вытащил то, что, по-моему, все время держал под рукой. Это была поблекшая рукопись на адвокатской голубой бумаге.

Разгорелся спор. Мне хотелось оставить полюбившиеся Эллери берега Италии с рукописью в чемодане, тогда как сам он настаивал на хранении бумажной пачки в шкафу. Чтобы уладить дело, старик Ричард оторвался от письменного стола, за которым писал трактат об «американской преступности и способах раскрытия преступлений» для немецкого журнала; миссис Квин схватила мужа за руку, поскольку тот готовился разрешить инцидент по-мужски, врукопашную; Джуна серьезно цокал языком; даже Эллери-

* Квин (*англ.* queen) — королева.

младший вытащил изо рта пухлый кулак, успев прокомментировать происходящее на своем агукающем языке.

В результате «Тайна исчезнувшей шляпы» вернулась в Штаты в моем багаже. Она основана на подлинных архивных документах нью-йоркской полиции. Эллери с отцом, как обычно, работали над этим делом рука об руку. В то время Эллери был не особенно чтимым автором детективных рассказов. Следуя афоризму, что истина нередко оказывается удивительней вымысла, он делал заметки об интересных расследованиях в надежде позднее использовать их в детективных романах. Дело со шляпой так его восхищало, что он описывал его на редкость подробно, рассчитывая на публикацию. Но вскоре погрузился в другое расследование, и замысел остался неосуществленным. В конце концов папа-инспектор исполнил заветную мечту своей жизни, вышел в отставку и перебрался в Италию со всем имуществом, а Эллери нашел даму сердца и загорелся желанием добиться большого успеха в изящной словесности. Италия пробудила в нем идиллические мечтания, с отцовского благословения он женился, и все трое в сопровождении Джуны перебрались в свой новый европейский дом. О рукописи совсем забыли, пока я ее не спас.

Необходимо еще одно объяснение, прежде чем закончить это тяжеловесное предисловие.

Мне всегда чрезвычайно трудно говорить с чужими людьми о необычных узах, связывавших Ричарда и Эллери Квинов, если можно так выразиться. Прежде всего потому, что люди они не простые. Элегантный Ричард Квин, прослужив тридцать два года в нью-йоркской полиции, заработал нашивки инспектора не столько за счет исполнительности, сколько благодаря редкостному владению техникой криминального следствия и заслужил великую славу. Но, стыдясь газетных панегириков, первым отменил преувеличенные похвалы, хотя Эллери утверждал, что старик тайно долгие годы хранил вырезки. Впрочем — хоть мне хочется думать о Ричарде Квине как о человеке, несмотря на попытки впечатлительных журналистов сделать из

него легенду, — невозможно преувеличить тот факт, что многие его профессиональные успехи во многом зависели от разумных сыновних подсказок.

Об этом мало кому известно. Кое-какие воспоминания о совместной профессиональной деятельности Квинов до сих пор благоговейно хранят друзья: небольшая холостяцкая квартирка на Западной Восемьдесят седьмой улице, где они жили, ныне превращена в получастный музей с коллекцией экспонатов, связанных с их успехами. Среди них поистине великолепный портрет отца с сыном работы Тиро, висевший в художественной галерее анонимного миллионера; драгоценная табакерка Ричарда, флорентийская древность, которую он присмотрел на аукционе, только чтобы улестить очаровательную старую леди с безупречным именем, и ценил потом выше рубинов; колоссальное собрание книг Эллери о преступлениях, наверно, самое полное в мире, которое он с прискорбием оставил при отъезде в Италию; и, естественно, масса неопубликованных документов с подробностями о раскрытых делах, ныне спрятанных от любопытных глаз в полицейских архивах.

Только дела сердечные — духовные узы между отцом и сыном — оставались до сих пор в полнейшей тайне от всех, кроме нескольких самых близких друзей, к числу которых мне посчастливилось принадлежать. Старик — пожалуй, самый лучший сотрудник следственного отдела за последние полвека, которого опасались даже важные джентльмены, занимавшие места в Главном полицейском управлении, — не пользовался публичной известностью и, позвольте повторить, был во многом обязан своей репутацией гениальному сыну.

Чистые дела, где возможности честно открывались каждому, Ричард Квин разрешал бесподобно. Он насквозь видел детали, накрепко запоминал сложные мотивы и замыслы, хладнокровно преодолевал непреодолимые с виду препятствия. Даже сотню фактов, сваленных в кучу, разрозненных, несовместимых, непоследовательных, он быстро приводил

в порядок, напоминая чем-то гончую, которая идет по запутанным следам, надеясь нюхом выйти на настоящий.

Но Эллери Квин, автор детективов, обладал интуицией, воображением. Отца и сына можно представить себе близнецами с поразительно развитыми умственными способностями, которыми каждый в отдельности не мог воспользоваться, но вместе они добивались удивительных результатов. Ричард Квин, вовсе не отрицая влияния сына, обеспечившего ему столь впечатляющие успехи — в отличие от менее благодарных натур, — старался объяснить его своим друзьям. Стройный седой старик, имя которого и поныне устрашает нарушителей закона, всегда «исповедовался», по его выражению, с наивностью, которая объясняется только отцовской гордостью.

И еще одно слово. Из всех расследованных Квинами случаев тот, который был назван «Тайной исчезнувшей шляпы», безусловно принадлежит к наиболее замечательным. Дилетант в криминологии, вдумчивый любитель детективов в ходе рассказа поймет, почему Эллери счел убийство Монте Филда достойным внимания. Специалисту вполне ясны обычные мотивы и способы убийства. Но случай с убийцей Филда совершенно иной. Здесь Квины столкнулись с тонко чувствующей, на редкость изощренной личностью. Фактически, как отметил Ричард вскоре после развязки, преступление было спланировано почти идеально. Впрочем, как во многих «идеальных преступлениях», маленькая случайная оплошность вкупе с проницательным детективным анализом и дала ту единственную подсказку, которая в конечном счете позволила раскрыть преступный замысел.

*Дж. Дж. Мак-К.
Нью-Йорк*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ
СО ЗРИТЕЛЯМИ ТЕАТРАЛЬНОГО СПЕКТАКЛЯ
И С ПОКОЙНИКОМ

Театральный сезон 192... года на Бродвее начался довольно неудачно. Юджин О'Нил не успел написать новую пьесу, которая обеспечила бы театру финансовую поддержку интеллигенции; что касается «простой публики», то она, устав от невыразительных театральных постановок, переключилась на более увлекательные действия, предлагаемые кинематографом.

По этой причине вечером в понедельник, 24 апреля, режиссеры и директора театров мрачно взирали на мелкий дождик, бросающий легкую завесу на сверкающие огни театрального Бродвея. Тот вечер решил судьбу нескольких пьес, снятых с постановки их хозяевами, мольбы которых не были услышаны Всевышним. Дождь прибил потенциальных зрителей к семейному очагу, они сидели дома, слушая радио или играя в бридж. Для тех немногих смельчаков, которые осмелились показаться на пустых улицах театрального квартала, Бродвей явил собой унылое зрелище. Только перед входом в Римский театр на Сорок седьмой улице, где шла, согласно сверкающей огнями афише, пьеса «Перестрелка», царило оживление, которое можно было бы ожидать в самый ясный день летнего сезона. Перед кассой, где продавались билеты «на сегодня», выстроилась внушительная очередь. Пожилой швейцар в желто-голубой ливрее с поклоном открывал

дверь перед нарядно одетой публикой, решившей преодолеть тяготы непогоды ради того, чтобы увидеть знаменитую «Перестрелку».

Оказавшись в зале Римского театра, одного из самых новых на Бродвее, зрители поспешно отыскивали свои места, с некоторым трепетом предвкушая обещанную в пьесе пальбу и сцены насилия. Наконец публика кончила шуршать программками, последний опоздавший пробрался по ногам соседей к своему креслу, свет погас и поднялся занавес. Раздался выстрел, на сцене кто-то отчаянно закричал... и представление началось.

В этой постановке впервые были использованы все атрибуты, соответствующие преступлениям. В три динамичных акта пьесы режиссер затолкал все составляющие романтики преступного мира: пистолетную и пулеметную стрельбу, рейды на ночные клубы, разборки между гангстерскими кланами. Пьеса была преувеличенным отражением времени: несколько грубым и отталкивающим, но зато отвечающим вкусам театральной публики. В результате зрители ломались на спектакль и в дождь, и в ясную погоду. Сегодняшний вечер являлся лишним подтверждением успеха пьесы.

Действие развивалось стремительно. Первый акт закончился громом выстрелов, которые привели публику в восторг. К тому времени дождь прекратился, и в антракте зрители вышли подышать воздухом на площадку, идущую вдоль правой стены театра и отведенную специально для этой цели. В начале второго акта на сцене грохотала совершенно оглушительная пальба. Наступил апогей второго акта — перестрелка шла уже поверх рампы. В этом грохоте и темноте никто, естественно, не обратил внимания на какое-то волнение в задних рядах партера. Но постепенно волнение нарастало, раздались крики, и некоторые зрители задних рядов левой стороны партера стали оборачиваться и недовольно шикать. Беспokoйство волной распространялось по залу. И вскоре к этой части партера были прикованы десятки глаз.

Вдруг оттуда раздался отчаянный крик. Зрители, и без того возбужденные бурным развитием событий на сцене, вытягивали шеи, предполагая, что происходящее в зале как-то связано с интригой пьесы.

Вдруг в зале вспыхнул свет. На лицах зрителей читалось удивление, страх, даже предвкушение чего-то еще более увлекательного. Все увидели, что у закрытого выхода с левой стороны зала здоровенный полицейский держит за плечо худенького испуганного человечка. Когда к нему ринулись любопытные, он остановил их запрещающим жестом громадной руки и крикнул густым басом:

— Всем оставаться на своих местах! Не вздумайте вставать с кресел!

Раздался дружный смех зрителей, но тут же оборвался, когда они заметили, как странно ведут себя актеры на сцене. Правда, те продолжали обмениваться репликами, но их недоуменные взгляды были прикованы к партеру. Почувствовав недоброе, зрители стали подниматься с мест. Полицейский же голосом Зевса-громовержца продолжал выкрикивать команды:

— Оставайтесь на своих местах! Слышите: не вставайте с кресел!

Наконец публика осознала, что происходящее не имеет отношения к спектаклю. Женщины закричали и вцепились в сопровождающих их мужчин. На балконе поднялся страшный шум, потому что людям наверху не было видно, что происходит внизу.

Полицейский обратился к толстенькому смуглому человеку в смокинге, который стоял рядом с ним и растерянно потирал руки.

— Мистер Панзер, — прорычал он, — распорядитесь немедленно закрыть все выходы. Поставьте у каждой двери капельдинера и прикажите им никого не впускать и не выпускать. Пошлите людей на улицу к выходам с площадок для отдыха во время антрактов — пусть будут там до прибытия полицейской подмоги. Да пошевеливайтесь, мистер Панзер, пока не поднялась паника.

Толстяк поспешил к выходу, расталкивая любопытных, которые, вопреки запрету полицейского, высыпали в проход и стали одолевать его вопросами.

Полицейский же стоял, широко расставив ноги, у последнего ряда партера, стараясь закрыть собой от взглядов тело человека в смокинге, который, скорчившись, лежал на полу в проходе между рядами. Не отпуская руки испуганного человечка, полицейский поднял голову и гаркнул в сторону задней стены зрительного зала:

— Эй, Нейлсон!

Высокий светловолосый человек вышел из комнатки рядом с главным входом в зал и протолкался к полицейскому.

— Что тут случилось, Дойл? — спросил он, увидев на полу неподвижную фигуру.

— Лучше спроси вот этого парня, — ответил полицейский, дернув человечка, которого держал за руку. — Тот, что на полу, дал дуба, а этот, мистер... — он бросил на человечка свирепый взгляд («Пьюзак, В-вильям Пьюзак», — пролепетал человечек), — так этот мистер Пьюзак утверждает, что покойник прошептал перед смертью, что его пришили.

Нейлсон ошеломленно глядел на труп.

Полицейский пожевал нижнюю губу.

— А я влип по первое число, Гарри, — хрипло сказал он. — Единственный полицейский во всем театре и должен держать в узде всю эту ораву... Помогите мне.

— Говори, что надо сделать... Ну и история!

Увидев зрителя, который в трех рядах от них встал на свое кресло и наблюдал за событиями, Дойл заорал:

— Эй, ты! А ну, слезай с кресла! И вы все отправляйтесь по местам! Живо, а то я вас всех засажу в кутузку. Ишь какие любопытные! — Он повернулся к Нейлсону: — Иди к себе и сообщи об убийстве в управление. Скажи, чтобы прислали побольше людей. Скажи, что дело происходит в театре: они поймут, что от них требуется. Да, Гарри, возьми мой свисток и созови ребят, дежурящих на улице. Мне до зарезу нужны помощники.